

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации В.В. Филичевой «Книжное собрание и круг чтения Федора Сологуба как источник изучения жизни и творчества писателя» на соискание
ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 –
русская литература

Диссертационное сочинение В.В. Филичевой представляет собой оригинальное исследование, основанное на глубоком знании архива Ф. Сологуба, одного и крупнейших русских писателей конца XIX – начала XX в., а также книжного собрания Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, куда был передана его библиотека, однако как отдельное собрание не сохранилась и была разбросана среди всего фонда. Сложность первоначальной задачи состояла прежде всего в громадном объеме материала, который следовало внимательно изучить.

Для этого отведена первая глава работы: «Личная библиотека Ф. Сологуба в Пушкинском Доме», где находим полное описание связанных с этим проблем – история собрания, переход его после смерти писателя в Пушкинский Дом, состав этой библиотеки и сравнение ее с библиотекой А.А. Блока, которая сохраняется в Пушкинском Доме в наиболее адекватном виде (сравнить это состояние можно только с библиотекой Пушкина). Глава, как видим, является преимущественно книговедческой, однако книговедение здесь вполне определенно поставлено на службу литературоведению. Так, представляется резонным замечание диссертанта о том, что заказанные Сологубом переплеты свидетельствуют об особом его пристрастии к тому или иному писателю, и в связи с этим призыв к изучению творчества И.С. Тургенева как возможного источника интертекстуальных пересечений. Автор выражается осторожнее: «...деталь, которая может стать ясна только при внимательном изучении поэтики произведений писателя» (С. 74), но очевидно, что речь идет о том, что не только общее впечатление от тургеневской прозы существенно для творчества Сологуба, но следует обратить внимание на пересечения словесной структуры.

В этой главе диссертант показывает, как формировалось собрание книг Сологуба, какие попытки он предпринимал для его если не каталогизации, то хотя бы первичной фиксации поступления книг, как они ему доставались (замечательно интересны в этом отношении выявленные письма о налаживании обмена изданиями с разными авторами), каковы были признаки, обозначающие принадлежность книг писателю, и так далее.

Но вместе с тем оказывается проделана и серьезная источниковедческая работа, связанная с определением адекватности так называемой «Машинописной описи...» книг

из библиотеки Сологуба. В первоначально проделанном Н.Н. Шаталиной описании книг из этого собрания эта опись признается существенным источником для реконструкции библиотеки. В.В. Филичева вполне основательно, как нам кажется, доказывает, что это «только алфавитный перечень, составленный, возможно, по библиографическим указателям и “историям литературы”, и в него занесены поэтические книги, которые были известны Сологубу и которые он, возможно, планировал приобрести» (с. 44). Это существенное уточнение, которое заставляет нас пересмотреть некоторые суждения о круге чтения писателя.

Во второй главе – «Книги из личной библиотеки Ф. Сологуба как документ» исследовательская оптика заставляет диссертанта рассматривать уже не собственно книги, а содержащиеся в некоторых из них рукописные материалы, как принадлежащие самому Сологубу (три первых параграфа: «Книги с маргиналиями в библиотеке Ф. Сологуба», «Маргиналии на книге переводов В. Брюсова из П. Верлена» и «Маргиналии на книге “Лунный свет” Г. де Мопассана»), так и полученные им от авторов других книг («Дарительные надписи в библиотеке Ф. Сологуба»)

В первом из названных параграфов существен источниковедческий аспект: так как книги, входившие в библиотеку Сологуба, в хранилище Пушкинского Дома не выделены как особо значимые материалы, то маргиналии на книгах, определенно принадлежавших ему, могут принадлежать другим людям. Так, очень, на мой взгляд, точно определены маргиналии А.Н. Чеботаревской – не только по почерку, но и по сути ее пристрастий. Очень интересны описание и анализ помет на статье Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Идея бесконечного в положительной науке и в реальном искусстве», особенно в контексте теоретических взглядов писателя на искусство.

Одним из центров работы по своей объективной ценности является второй параграф, где описан некомплектный экземпляр «Собрания стихов» П. Верлена с многочисленными маргиналиями и другими редакторскими пометами Сологуба, впоследствии принадлежавший Н.С. Гумилеву. Было отрадно, что диссертант не остановился на ранее им же опубликованных материалах («Соединение наших переводов могло бы быть полезно» (Ф. Сологуб и В. Брюсов в работе над переводами П. Верлена) // Текстология и историко-литературный процесс. М., 2016. Вып. 4; К реконструкции и описанию библиотек Ф. Сологуба и Н.С. Гумилева // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма) / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2017), а принял во внимание ряд соображений относительно этой работы и решительно изменил представление о прагматике этих помет: если ранее утверждалось, что это корректурный экземпляр для издательства «Скорпион», присланный Сологубу для редактуры (1911), то теперь говорится, что это подготовительная работа для предполагавшегося в издательстве «Всемирная литература» сборника стихотворений Верлена в переводах самого Сологуба и Брюсова (1919). Жаль только, что здесь неверно

использовано письмо Сологуба к Брюсову от 17(4) сентября 1918 года. Автор диссертации пишет: «В сентябре 1918 года, после организации издательства “Всемирная литература” Сологубу пришла идея, о которой он сообщал Брюсову...» (С. 96). На деле, несомненно, прав был комментатор свода писем Сологуба к Брюсову А.Л. Соболев, писавший относительно далее цитируемых строк: «Вероятно, подразумеваются несколько деформированные слухи о планах издательства Сабашниковых, связанных с серией “Памятники мировой литературы” или сотрудничество Брюсова с Литературно-издательским отделом Наркомпроса, начавшееся весной 1918 года» (Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века. II. А.Л. Соболев. Страннолюбский перебарщивает; Сконапель истоар. М., 2013. С. 371). Содержание письма явно свидетельствует о том, что не Сологуб предлагает сотрудничество Брюсову, а наоборот – ищет у него помощи. Зато очень уместны далее приведенные материалы о сотрудничестве писателя с издательством «Всемирная литература». Очень полезен и раздел о редактировании переводов из Г. де Мопассана, с некоторыми попутными замечаниями о переводческом ремесле в начале века вообще и перемене его в период деятельности «Всемирной литературы» и впоследствии «Academia». Богат новыми материалами и интересными наблюдениями последний параграф. В настоящее время наблюдается явный интерес литературоведов (а вслед за ними и ряда издателей) к малоизвестным при жизни и забытым после смерти писателям. Для интересующихся этими вопросами работа В.В. Филичевой дает немало сведений. К Сологубу нередко обращались начинающие писатели с просьбой дать отзывы об их произведениях, поэтому как эпистолярный Сологуба, так и его книжное собрание являются важным источником для их биографии и текстов. Хочется отметить анализ отношений Сологуба с В. Кориным-Корехиным, прописанный весьма тщательно и демонстрирующий возможности метода, предлагаемого диссертантом, для поиска в сложных случаях разысканий о малоизвестных литераторах.

Таким образом, вторая глава оказывается посвящена проблемам не столько книговедческим, сколько литературоведческим, хотя книговедение оказывается важной составной частью этого раздела.

Наконец, последняя глава «Круг чтения Ф. Сологуба и его отражение в прозе» в наибольшей степени основывается на собственно литературоведческих анализах. Она состоит из трех параграфов: «Образ читателя и принцип автоцитирования», «Репертуар чтения персонажей и принцип творческой переработки» и «О некоторых случаях скрытой полемики (Л. Н. Толстой и А. П. Чехов)». Основываясь на популярной книге французской исследовательницы Натали Пеге-Гро, диссертант ограничивает рассмотрение интертекстуальных связей цитатами и референциями, а круг чтения рассматривается преимущественно на анализе сологубовских образов читателей, когда открыто называются те или иные произведения, характеризующие персонажей. Пожалуй, именно

эта глава наиболее уязвима для критики, поскольку сложившаяся в русской исследовательской литературе традиция, в отличие от французской понимает цитатность гораздо шире, а референтность вообще не склонна рассматривать как существенный источник для понимания того или иного художественного текста. Удачно это было сформулировано в статье Э. Русинко «Intertextuality: A Soviet Approach to Subtext» (Dipositio. Vol. IV, № 11-12), где несмотря на неудачный термин «советский подход» (на деле имеется в виду «школа Тарановского» и отчасти тартуско-московская семиотическая школа, которые вряд ли могут быть названы советскими) его суть определяется, в противоположность французской и англо-американской традициям, как стремление к «рассмотрению текста не в психологических терминах “влияние” или “подражание”, а как смыслового феномена» (Р. 232; перевод мой).

Очевидно, что это задача чрезвычайно сложная, далеко не всякий материал может быть адекватно истолкован с такой точки зрения. Потому нам кажется, что очерчивание круга чтения персонажей сологубовской прозы в какой-то степени помогает представить и его собственный (хотя вполне вероятно, что в него входят и какие-то произведения, знакомые самому писателю лишь понаслышке, как явления литературной моды или типичные для эпохи), но все-таки было бы существеннее заняться сложным комплексом взаимодействия автора и героя, как сделано в последнем параграфе данной главы, особенно там, где идет речь о Чехове. Пожалуй, единственное замечание, которое хотелось бы сделать, -- Сологуб был современником Чехова, потому его позиция значительно отличается от нашей, где Чехов предстает несомненным классиком, не подлежащим прямо выраженному несогласию. Это трудно формализовать в одной-двух цитатах, но впечатление тем не менее остается.

Второй параграф, который мы первоначально оставили без внимания, тем не менее существен для понимания механизмов внутреннего отношения Сологуба к его претекстам. Он свободно относится даже к тем произведениям, которые можно было бы использовать в адекватном виде. Удачно продемонстрировано это на сопоставлении текстов из песенника М.Д. Чулкова и их вариантов в произведениях Сологуба. Тем самым диссертант раскрывает некоторые механизмы творческого сознания писателя, которые могут проецироваться на его творчество в целом.

Следует отметить также приложение: «Книги с дарительными надписями, принадлежавшие Ф. Сологубу, и дарительные надписи Ф. Сологуба (материалы к указателю)». Приложение занимает более шестидесяти страниц и включает 510 записей первого типа, т.е. инскрипты, обращенные к Сологубу, и 161 запись второго, то есть дарственные надписи, сделанные самим Сологубом. До сих пор аналогичная работа, насколько я знаю, не проделывалась. Собирались инскрипты самого исследуемого автора (прежде всего приходят на память публикации о Блоке и Есенине), по каким-то источникам можно было в обозримое время выявить значительную часть записей первого

типа (скажем, по описанию библиотеки Блока), но сводного каталога и того, и другого я не знаю. Между тем не случайно все чаще тексты надписей на книгах включаются в состав собраний сочинений того или иного автора, то есть приобретают статус равноправного авторского текста, и в этом отношении работа В.В. Филичевой, представленная в приложении, работает на историю литературы в прямом смысле.

Все вышеназванное говорит о том, что диссертационное сочинение В.В. Филичевой является оригинальным, насыщенным новыми фактами и их адекватным освещением исследованием, основанным на достижениях как современного литературоведения, так и книговедения, тем самым выходя за пределы только одной сферы гуманитарного знания. Работа логично выстроена, хорошо структурирована, демонстрирует основательное знакомство с литературой, в том числе на английском языке (всего в библиографии названо чуть менее трехсот книг, статей и рукописных документов). Автореферат полно и верно отражает содержание диссертации, зафиксированные в приложении к нему 8 публикаций передают основные идеи, заложенные в работе. Все это изложено хорошим русским языком (что не лишне упомянуть, поскольку слишком часто диссертации пишутся на псевдонаучном волапюке). Тем самым общая оценка работы должна быть самой высокой.

Вместе с тем в обязанность оппонента входит не только зафиксировать достижения диссертанта, но и продемонстрировать, что работа содержит некоторое количество спорных, с его точки зрения, положений и даже некоторые ошибки. Перейдем к этой части отзыва.

О двух своих соображениях я уже имел возможность сказать выше. Сейчас – о нескольких менее очевидных, но все же существенных.

Так, на с. 116 упоминается поэт А. Ярославский. В примечании дается лишь отсылка к интернет-записи пользователя lucas-van-leyden (очевидно, уже секретом Полишинеля является, что за этим скрывается А.Л. Соболев), тогда как не менее существенно было бы назвать по крайней мере две публикации. Одну – более раннюю: Ярославская-Маркон Евгения. «Клянусь отомстить словом и кровью...» / Публ. и примеч. Ирины Флиге // Звезда, 2008, № 1 (она тем более существенна, что фамилия Маркон – жены поэта – названа в инскрипте), а вторую – более позднюю: Шерман А. Александр Ярославский. Биографический очерк // Ярославский А. Аргонавты вселенной: (Роман-утопия). [Б.м.]: Salamandra P.V.V., 2013 (интернет-издание).

На с. 143—144 читаем: «П. Зорев подарил свои неопубликованные стихи на нескольких тетрадных листах, сложенных вместе и включающих 12 стихотворений, на первом из которых сделана надпись как на книге: «Глубокоуважаемому Ф. К. Сологубу – Павел Зорев. СПб. 914.III.3». <...>. Возможно, это был именно дар начинающего поэта, не имевшего публикаций, но желавшего преподнести Сологубу плоды своего творчества».

Под этим псевдонимом начинал публиковаться очень известный впоследствии украинский поэт-неоклассик П.П. Филиппович, расстрелянный в 1937 году.

Явным недоразумением вызвано примечание 283 на с. 195. В тексте речь идет о книге Артура Шницлера, а примечание говорит о Ф. Шиллере. Это делает несомненным, что переводила ее действительно Полина Самойловна Бернштейн (1870—1949). О ее переводческой деятельности см. в воспоминаниях внучки: Богатырева С. Серебряный век в нашем доме. М., [2019]. С. 36—38. Книгу Шницлера в ее переводе не стали печатать, поскольку в том же году она была издана в переводе И.Б. Мандельштама. Кстати отметим, что в фонде сына П.С. Бернштейн сохранилось ее письмо 1919 г. к «неустановленному лицу с обращением “Многоуважаемый Федор Кузмич” с просьбой о книге» (РГБ. Ф. 948. Карт. 79, ед. хр. 4).

Не всегда оказываются точно опознанными люди, но книги тоже. Так, на с. 55 говорится: «М. В. Борисоглебский в своих воспоминаниях приводит слова Сологуба: «...Учиться придется до конца. Вот видите, – и показал мне книгу Бухарина, – политграмоту. Поля ее были мелко исписаны карандашом», и к этому делается примечание: «Скорее всего, имеется в виду книга: *Бердников А., Светлов Ф. Курс политграмоты / Под общ. ред. Н. И. Бухарина. М., 1925*». Мне кажется гораздо более обоснованным комментарий первопубликатора текста, М.М. Павловой: «Здесь, вероятно, имеется в виду: Бухарин Н. И., Преображенский Е.А. *Азбука коммунизма, с 1919 по 1926 годы многократно переиздававшаяся*» (Русская литература. 2007, № 2. С. 114).

Сразу две такие книги попадают на с. 113. Сперва цитируется письмо Сологуба к И.А. Новикову, благодарящее за присылку книги рассказов, а в примечании поясняется: «Письмо И. А. Новикову от 26 ноября 1912 года. Какая имеется в виду книга установить не удалось». Если это действительно 1912 год (в архивной описи указан 1918-й), то это может быть только сборник «*Рассказы (1905-1912)*» (М.: К-во писателей, 1912). Сразу далее в тексте находим: «не известно издание К.А. Липскерова, за которое Сологуб благодарил». Здесь, правда, в примечании говорится: «Скорее всего, имеется в виду книга «*Песок и розы. Стихи*» ([М.], [1916])». Нерешительность здесь излишня: это первая книга стихов Липскерова, следующая же вышла лишь в 1922 году.

Вызывает сомнение верность прочтения маргиналии А.Н. Чеботаревской. К словам П. Гогена: «...самое понятие порока им чуждо», -- она приписывает: «Хорошо. К этому надо отрешиться» (С. 81). Весь контекст указывает на то, что здесь должно быть слово «стремиться», в скорописи весьма схожее с прочитанным.

О библиотеке Брюсова и инскриптах в ней автор пишет: «На момент обследования его библиотеки В. Пуришевой оно включало чуть менее 5000 томов <...> Ныне книги из библиотеки Брюсова (1694 единиц, где учтены издания с пометами Брюсова и других лиц, надписями Брюсову и другим лицам) хранятся в фонде писателя в РГБ. Опубликованы только дарительные надписи из его библиотеки» (С. 68). Во-первых, в статье, на которую

ссылается В.В. Филичева, попалась опечатка: жену известного литературоведа Б.И. Пуришева звали Клавдия Николаевна (исправляется по: «Литературное наследство» за 80 лет. Указатели. Кн. IV. М., 2018. С. 326), а во-вторых, в весьма небрежно подготовленной книге «Автографы серебряного века: Дарственные надписи на книгах», на которую ссылается В.В. Филичева, опубликована лишь незначительная часть дарственных надписей из книжного собрания Брюсова.

Сомнительно утверждение: «Знакомством с Манасеиной объясняется и наличие в библиотеке писателя полных комплектов журнала «Тропинка» за 1906–1907 годы» (С. 111). Несколько страницами выше говорилось, что Сологуб даже раньше, чем с Н.И. Манасеиной познакомился с соиздательницей «Тропинки» П.С. Соловьевой (Allegro). Если есть точные сведения о роли именно Манасеиной, их стоило бы привести.

Обидно, что в тщательной в общем работе встречаются мелкие, но все же досадные недосмотры. Известный почитатель Блока, исследовавший шахматовскую его библиотеку П.А. Журов наименован А.П. Журов (С. 14). Знаменитый Ф.Ф. Павленков дважды назван «Павленко» (С. 64, 65). Среди авторов художественных книг присутствует историк А.А. Кизеветтер (С. 71). Статья И.Д. Якубович «Романы Ф. Сологуба и творчество Достоевского» из 11-го тома сборника «Достоевский. Материалы и исследования» перенесена во второй (С. 74). На с. 109 читаем: «Среди подаренных изданий в 1892–1900 годах книги В. В. Кимменталя, И. А. Порошина, В. И. Чернышева – преподавателей, членов педагогического совета Андреевского училища <...> А. В. И. Порошин дарил свои «беллетристические кропания»». Думается, что это все-таки один и тот же человек.

Перечисляя авторов художественной литературы, сочинения которых Сологуб изгонял из своей библиотеки, диссертант называет «К. Фибиха». Тут явно речь идет о немецкой писательнице и журналистке Кларе Фибих. Обратная эволюция произошла с известным киноведом Юрием Гавриловичем Цивьяном, когда в библиографии была упомянута публикация: *Сологуб Ф. Барышня Лиза: [Сценарий] / Публ. и вступ. статья Н. Нусиновой, Ю. Цивьян. Аналогично в примечании 255 на с. 95 появляется книга: «Избранные стихотворения в переводах И. Анненского, В. Брюсова, В.А. Мазуркевич и др.: Сб. / Сост. П. Н. Петровский. Авт. биогр. очерка В. Брюсов. М., <1912>». Фамилия Владимира Александровича Мазуркевича должна склоняться. И еще к вопросу о личных именах. Было бы естественно на с. 11 назвать писавших на английском писателей так, как они обычно именуется в русской традиции: не Т. Карлайл, Р. Валдо Эмерсон, В. Джеймс, а Т. Карлейль, Р. Уолдо Эмерсон, У. Джеймс или Джемс.*

Вопреки тому, что говорится на с. 129, М. Кузмин никогда футуристом не был. Стоило бы раскрыть псевдоним В. Русаков – это постоянная подпись С.Ф. Либровича (с. 185; повторено в библиографии).

Я надеюсь, и автор, и ученый совет принимают во внимание, что я лишь продолжал общее стремление работы В.В. Филичевой, которая стремится к предельной точности, и заметки такого типа, как делал я, помогают этой точности достичь.

Все сказанное выше позволяет мне сделать общий вывод: диссертация отвечает всем требованиям, изложенным в пп. 9–11, 13–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор, Вера Владимировна Филичева, заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

5 октября 2020 г.

Доктор филологических наук,
профессор

Н.А. Богомолов

ПОДПИСЬ ЗАВЕДУЮЩЕЙ
ЗАВ. КАНЦЕЛЯРИЕЙ
ЛЯМИНА И.В.

